

венностью и управляла этой колонией совершенно так же, как теми, которые находились в Тире и Византии, через своего байльи и двух его советников. Этот первоначально консул Венеции сделался постепенно влиятельнейшим человеком острова, важнейшим министром республики в восточных колониях со времени падения латинской империи в Константинополе.

Остров Эвбея не выказывал никакой склонности к объединению, да она и не могла иметь значения по существу ленного строя, особенно когда венецианской политике важно было ослабить могущество тамошних баронов путем их разъединения. И все-таки, несмотря на это расщепление острова на три и даже на шесть ленов, род Карчери благодаря семейным договорам держался вместе и защищал себя от всяких приступов и давлений. Властители из Веронского дома Равано и Джиберто вышли также счастливо из войны с князем Ахайским. Они сохранили свои владения и феодальные права, хотя должны были признать верховную ленную власть князя. На это они могли смотреть как на меньшую тяготу или даже предпочесть это как противовес владычеству Венеции. Они усеяли Эвбею крепостями, которые они главным образом воздвигали из старых акрополей Эллопера, Абанта и Дриопена или из византийских замков. Развалины их высятся еще и теперь над уединенными бухтами и по склонам Дельфийских и Ахайских гор. В крепостях Ореос, Каристос и Лармена, в Ла-Ватии, Василико, Филагра, в Купэ, Клисуре, Мандухо и Варонда ломбардцы распоряжались над своими ленниками и над массой закрепощенных греческих крестьян, которые назывались *villani* или *pariki*.

Большая часть Эвбеи превратилась в необработанные пустыри, заросшие миртовыми, масличными и фисташковыми кустарниками, как и теперь, хотя были и долины и равнины, где достаточно производилось хлеба, вина, меда, масла и шелка. Плодороднейшая из равнин, известные прекрасные Лелантонские поля, служившие в древности предметом ожесточенной борьбы между общинами Эретрия и Халкида, еще в XIII столетии встречается под